Милюков. Россия в плену у Циммервальда

Х
Е 49 / 1232

E49
1232

ПАРТІЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

П. Н. Милюковъ.

РОССІЯ ВЪ ПЛѢНУ У ЦИММЕРВАЛЬДА.

ДВѢ РѢЧИ.

Цѣна 40 коп.

Изданіе „Народное Право“.

филиал гос. ист. б-ки

Е49 1232

ПАРТІЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

П. Н. Милюковъ.

РОССІЯ ВЪ ПЛѢНУ У ЦИММЕРВАЛЬДА.

ДВѢ РѢЧИ.

Цѣна 40 коп.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛІОТЕКА И. К. П. 143998

V Ст. 1916

Изданіе „Народное Право“.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
148998 19 г.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. д.
1917.

E 49 — 1232

I.

Почему я ушелъ изъ Временнаго Правительства? [1]).

Я и мои товарищи по партіи находили, что уходить изъ Временнаго Правительства намъ самимъ нельзя, что мы можемъ быть принуждены къ этому только силой. Вы знаете. что, съ моимъ уходомъ, въ составѣ Временнаго Правительства все-таки остаются мои партійные товарищи. Изъ этого вы видите, что для насъ, какъ для партіи, вопросъ не стоялъ такъ, что намъ надо немедленно разорвать и покончить наши отношенія со вновь образовавшимся Правительствомъ. Тѣмъ болѣе, вопросъ не стоитъ такъ, чтобы стать къ Новому Правительству въ оппозицію. Но, рѣшивъ, что я могу уйти, только уступая силѣ, я не предвидѣлъ того, что мнѣ придется уйти, уступая не силѣ, а уступая желанію моихъ товарищей, ихъ значительному большинству. Съ чистой совѣстью я могу сказать, что «не я ушелъ, а меня ушли». (Смѣхъ и аплодисменты). Совѣсть моя спокойна. Я стоялъ на своемъ посту до того момента, пока товарищи значительнымъ большинствомъ мнѣ не сказали: очистите этотъ постъ, онъ нуженъ для другихъ цѣлей.

Вы сами могли слѣдить за тѣмъ, что моя дѣятельность въ области внѣшней политики была согласна, какъ я думаю, со всѣмъ тѣмъ, что не я одинъ говорилъ, а вы всѣ раздѣляли. Дѣятельность эта продолжается въ томъ направленіи, въ какомъ всѣ вы считали необходимымъ вести настоящую міровую борьбу за тѣ жизненные интересы Россіи, которые съ нею связаны. (Голоса: «Вѣрно»). Противники мои говорили, что вмѣстѣ съ революціей, съ крутымъ поворотомъ во внутренней политикѣ, должна быть произведена революція, крутой поворотъ, и во внѣшней политикѣ. Наша прежняя политика—это была дипломатія царизма, а теперь должна начаться новая дипломатія. Я пытался объяснить, что въ области внѣшней политики положеніе стоитъ совершенно иначе чѣмъ въ области внутренней политики. Я исхо-

[1]) Рѣчь, произнесенная 4 мая 1917 г. въ совѣщаніи членовъ Государственной Думы.

дилъ изъ мысли, что у насъ нѣтъ царской дипломатіи и дипломатіи Временнаго Правительства, а есть одна дипломатія: дипломатія союзническая, которую мы ведемъ вмѣстѣ съ союзными государствами, вмѣстѣ съ передовыми демократіями, которыя вмѣстѣ съ нами пошли на эту борьбу, заранѣе условившись, что и они, и мы на нее смотримъ одинаково. Вы помните, что мы всегда развивали тѣ мысли, что задачи передовыхъ демократій въ этой войнѣ освободительныя, что задачи эти заключаются въ осуществленіи принципа самоопредѣленія народовъ. Рядомъ съ этимъ мы говорили, что наша задача также въ достиженіи жизненныхъ цѣлей, необходимыхъ для интересовъ Россіи. Мы сговорились съ нашими союзниками относительно того, что наши общія усилія должны повлечь за собою, въ случаѣ общей удачи, и взаимныя, нужныя для жизненныхъ интересовъ каждаго изъ насъ послѣдствія. Мы въ теченіе самой войны уже вошли въ новыя соглашенія съ государствами, которыя только потому и пошли на эту войну, что соглашенія эти были заключены, съ Италіей и съ Румыніей, въ общемъ стоящими на той же принципіальной освободительной точкѣ зрѣнія, на желаніи объединить или закончить объединеніе своихъ національностей и достигнуть осуществленія своихъ жизненныхъ задачъ. Такимъ образомъ, не было царской дипломатіи, была дипломатія союзническая. Мы были связаны на горе и на радость съ нашими союзниками моральной связью и должны были итти съ ними вмѣстѣ до конца въ этой круговой порукѣ, въ общей борьбѣ единымъ фронтомъ. Намъ казалось, что эта наша связь запечатлѣна тѣми милліонами жертвъ людьми, которыя потерпѣли всѣ союзники въ нашемъ круговомъ союзѣ, и что нельзя выйти изъ этого союза какимъ-нибудь односторонним рѣшеніемъ. Вотъ почему я вѣрилъ, что перемѣна, которая настала со времени измѣненія нашего внутренняго строя, сводилась къ тому, что теперь мы съ чистой совѣстью, открыто и свободно, отъ имени всей страны могли говорить то, что прежде говорили отъ имени оппозиціи Государственной Думы, совершенно опредѣленно ставъ на высоту тѣхъ великихъ идей и задачъ, которыя неоднократно провозглашались въ союзныхъ съ нами странахъ очень многими видными общественными дѣятелями.

Такъ я понималъ эту свою задачу. Мнѣ кажется, что такъ понимали отношеніе новаго правительства къ себѣ и наши союзники. Они въ появленіи въ министерствѣ ино-

странныхъ дѣлъ вашего покорнаго слуги увидѣли знакъ того, что Россія не измѣнитъ обязательствамъ, которыя она заключила, и цѣлямъ, которыя она себѣ поставила. Этимъ объясняется, я думаю, до нѣкоторой степени, ихъ радостная увѣренность въ томъ, что революція достигла своей цѣли. Они были увѣрены, что новая свободная Россія вложитъ еще большія силы, чѣмъ было вложено прежде въ это общее дѣло, что создается извѣстный энтузіазмъ въ веденіи войны, который удесятеритъ силы нашей арміи. Мы вѣдь сами постоянно говорили, что прежде правительство не въ состояніи было организовать страну для побѣды. Именно это было ближайшей цѣлью нашего участія въ переворотѣ. И естественно, казалось, что за переворотомъ наступитъ именно тотъ результатъ, для котораго, въ значительной степени, этотъ переворотъ былъ сдѣланъ. Вотъ, какимъ образомъ я смотрѣлъ на мою задачу во внѣшней политикѣ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого взгляда было быстрое признаніе новаго строя и Временнаго Правительства союзными державами.

Въ теченіе довольно продолжительнаго времени мнѣ казалось, что я веду внѣшнюю политику въ полномъ согласіи съ остальными моими товарищами во Временномъ Правительствѣ. Но черезъ нѣкоторое время оказалось, что извнѣ вносится другая теорія, основанная на взглядахъ незначительнаго меньшинства заграничныхъ соціалистовъ, поставившихъ своей задачей еще до войны не допустить войны, а послѣ начала войны—прекратить ее, такъ какъ война—это дѣло капиталистовъ, цѣли войны—это имперіализмъ, задача пролетаріата—принудить свои правительства прекратить войну. Задача, такъ поставленная, была довольно трудна, потому что за границей эти взгляды раздѣляло только незначительное меньшинство соціалъ-демократіи. Большинство соціалистовъ во всѣхъ союзныхъ странахъ оказалось національнымъ, а не интернаціональнымъ, т.-е. примкнуло къ идеѣ защиты страны и къ идеѣ борьбы противъ германскаго милитаризма, который мѣшаетъ созданію прочнаго мира. Буржуазныя партіи, тѣмъ болѣе, стояли на этой національной точкѣ зрѣнія. И казалось, что въ Россіи не произойдетъ ничего такого, что измѣнило бы эту общую картину. То меньшинство соціалистовъ, которое пробовало проводить иные взгляды, о которыхъ я говорилъ, составляло за границей совершенно ничтожное меньшинство. Оно тщетно пыталось при германской поддержкѣ и при содѣйствіи швей-

царскихъ соціалистовъ, устроить международный конгрессъ и возстановить хотя бы видимость Интернаціонала. Это имъ не удалось въ швейцарской деревушкѣ Циммервальдъ и еще больше не удалось въ Кинталѣ. Но тѣ же циммервальдскія и кинтальскія идеи, которыя за границей представляли достояніе очень небольшой группы, у насъ широкимъ потокомъ влились черезъ тѣ же каналы. Намъ принесли созданныя въ Германіи формулы черезъ посредство тѣхъ же швейцарскихъ соціалистовъ и нашихъ собственныхъ изгнанниковъ. Вернувшись въ Россію черезъ Германію, эти эмигранты начали широкую агитацію въ пользу циммервальдскихъ идей. Это привело къ принятію довольно широкими кругами общественнаго мнѣнія плохо освѣдомленными обо всѣхъ этихъ заграничныхъ явленіяхъ, радикальной формулы западнаго интернаціональнаго меньшинства соціалъ-демократіи. Это и есть та знаменитая формула «безъ аннексій и контрибуцій», на офиціальномъ признаніи которой настаивали сторонники того мнѣнія, что правительство должно уступить Совѣту рабочихъ депутатовъ, усвоившему себѣ циммервальдскіе взгляды на войну и на задачи нашей внѣшней политики. Я зналъ, куда ведетъ эта формула и откуда она исходитъ— и весьма энергично воспротивился, естественно, ея принятію. Немногіе изъ моихъ товарищей меня поддержали. Мнѣ пришлось согласиться на изданіе документа 27-го марта, явившагося компромиссомъ между моимъ взглядомъ и взглядомъ большинства. Большинство настаивало на введеніи, если не этой формулы «безъ аннексій и контрибуцій», для меня непріемлемой, то, по крайней мѣрѣ, указанія на то, что мы не преслѣдуемъ захватныхъ цѣлей, что совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Я, со своей стороны, настоялъ, чтобы вставлена была фраза о томъ, что мы вѣрны нашимъ обязательствамъ и охраняемъ права нашей родины. Это значило, что до тѣхъ поръ, пока никто другой не отказался отъ своихъ правъ, мы не откажемся и отъ нашихъ. Эти указанія гарантировали мнѣ свободу дѣйствій въ веденіи той политики, которая была намѣчена раньше. Но, конечно, такъ какъ это былъ компромиссъ, то настаивавшее на этомъ компромиссѣ теченіе документомъ 27 марта не удовлетворилось. Оно потребовало развитія его въ другую сторону, въ сторону теченія, которое не могло побѣдить сразу. При этомъ можно было сдѣлать выборъ между двумя рѣшеніями. Одно—считать, что компромиссъ не удался, и сразу отвергнуть формулу, принятую пра-

вительствомъ въ воззваніи 27-го марта. Другое рѣшеніе было бы согласиться съ принятымъ текстомъ, но истолковать его въ смыслѣ формулы «безъ аннексіи и контрибуціи». Послѣднее рѣшеніе было умнѣе, и оно было принято и использовано. Въ рабочей печати раздались хвалебные гимны въ честь заявленія правительства, понимаемаго въ смыслѣ формулы «безъ аннексій и контрибуцій». Это было не такъ, но мнѣ не приходилось входить въ полемику, когда мнѣ говорили, что это только мое мнѣніе. Послѣ этого наступилъ другой моментъ. Получивъ первую уступку, сторонники Циммервальда стали добиваться отъ меня второй. Они стали настаивать, чтобы тотъ документъ, которому я намѣренно придалъ форму обращенія къ согражданамъ, а не дипломатическаго акта, былъ превращенъ въ дипломатическій актъ, и чтобы союзники немедленно вошли съ нами въ переговоры на предметъ пересмотра самаго содержанія договоровъ, въ томъ духѣ и значеніи формулы, какое ей хотѣли придать, т.-е. «безъ аннексій и контрибуцій». Я рѣшительно отказался. Новые переговоры привели къ новому компромиссу. Я согласился отправить не ноту, а препроводить самый документъ при бумагѣ, которая гарантировала вѣдомство иностранныхъ дѣлъ отъ злоупотребленія невѣрнымъ пониманіемъ компромисса. Въ своей препроводительной нотѣ я совершенно опредѣленно указывалъ, что мы не стоимъ за сепаратный миръ, что армія наша должна стать послѣ переворота сильнѣе и т. д.

Всѣ эти заявленія обезпечивали нашимъ союзникамъ минимумъ,—нашу лойяльность. Но документъ этотъ какъ вы знаете, вызвалъ противъ меня страшнѣйшее раздраженіе. Въ немъ увидѣли шагъ назадъ. Состоялось уличное движеніе 21 апрѣля, которое, правда, превратилось въ концѣ дня въ овацію по адресу Временнаго Правительства и моему лично. Это была, однако, лишь временная побѣда. Желавшіе вести дальше линію Циммервальда продолжали свою борьбу. Они рѣшили, что сами будутъ вести ту политику, которую отказывался вести я. Это совпало съ разговорами о коалиціонномъ кабинетѣ. Соціалистическія партіи въ негласныхъ переговорахъ о составѣ этого кабинета первымъ условіемъ поставили, чтобы министръ иностранныхъ дѣлъ оставилъ свой постъ. Семь членовъ кабинета съ этимъ согласились и съ своей стороны выговорили въ видѣ уступки, что я останусь все-таки въ кабинетѣ, но перемѣню портфель. Это предложеніе было мнѣ сдѣлано. Но это было предложеніе,

котораго я принять не могъ. Вы поймете почему (шумные аплодисменты). Завтра, вѣроятно, будетъ напечатана декларація правительства, и въ ней задачи внѣшней политики будутъ поставлены такъ, какъ я не хотѣлъ ихъ ставить. И хотя бы другое лицо вело эту внѣшнюю политику вмѣсто меня, я не могу принять на себя отвѣтственность за такую постановку. Я считаю, что она вредна и опасна для Россіи. Опасна потому, что, не достигая той цѣли, которой хотятъ достигнуть, она значительно расшатываетъ наши отношенія съ союзниками. Для меня было очевидно, что перемѣнить портфель министра иностранныхъ дѣлъ на портфель министра просвѣщенія все-таки не значитъ освободить себя отъ отвѣтственности за внѣшнюю политику, которую я велъ въ теченіе всей войны и которая извѣстна всему свѣту. Такой отвѣтственности я нести не могу. Вотъ почему я ушелъ.

Этимъ объясненіемъ я не затрагиваю другой стороны вопроса—моего взгляда на коалиціонное министерство. Нѣкоторые мои товарищи, какъ вы знаете, сочли необходимымъ войти въ коалиціонный кабинетъ и испробовать, нельзя ли нести еще дальше тягость власти, нельзя ли, оставаясь въ кабинетѣ, все-таки продолжать то дѣло, которое вели они и раньше. Лично я считаю, что образованіе этого кабинета является попыткой весьма рѣшительной. Она можетъ оказаться и рискованной. Но несомнѣнно, что она стремится достигнуть двухъ опредѣленныхъ положительныхъ цѣлей. Образованіе коалиціоннаго правительства усиливаетъ власть и дѣлаетъ возможнымъ созданіе Временнаго Правительства единаго, чего до сихъ поръ не было. Пусть Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ пошлетъ въ составъ правительства своихъ представителей, пусть онъ возьметъ на себя отвѣтственность. Тогда правительство будетъ уже единымъ и сильнымъ. Такова первая задача. Будетъ ли она достигнута, этого я не знаю. Вѣдь въ самомъ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ идетъ тоже борьба. Вы знаете, что не всѣ считали возможнымъ войти въ составъ коалиціоннаго правительства. И очевидно, что тѣ, которые туда не пошли будутъ продолжать критиковать тѣхъ, кто туда вошелъ. Весьма возможно, что соціалисты, вошедшіе въ составъ правительства, окажутся подъ такимъ же градомъ нападеній, какому подвергалось правительство безъ соціалистовъ. Но сейчасъ мы будемъ имѣть, во всякомъ случаѣ, дѣло съ не-

сомнѣннымъ усиленіемъ власти. Еще важнѣе, быть можетъ, другая задача—переломить настроеніе на фронтѣ, переломить настроеніе той арміи, которой показалось что всѣ эти пацифистическія стремленія и воззванія въ сущности равносильны состоявшемуся перемирію и что, поэтому, воевать уже не нужно. Тамъ, очевидно, находили, что разъ мы отказались отъ завоеваній, то зачѣмъ воевать? Этого настроенія не удалось переломить при старомъ составѣ правительства, потому, что довѣріе солдатскихъ массъ къ нему было недостаточное. Наоборотъ, Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ пользуется полнымъ довѣріемъ этой массы. Когда насъ спрашивали, какъ бы устроить, чтобы солдаты поняли, что даже задача обороны не ограничивается обороной въ узкомъ смыслѣ, а предполагаетъ наступленіе, то мы говорили: «Обратитесь къ Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; пусть онъ опубликуетъ воззваніе, въ которомъ это было бы сказано, и солдаты ему повѣрятъ». Совершенно естественно, что министерство, составленное изъ представителей партій, поддерживаемыхъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, можетъ прямѣе достигнуть этой цѣли. Какъ ни осторожно Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ относится къ задачамъ войны, тѣмъ не менѣе въ завтрашней деклараціи будетъ сказано, что наступательныя дѣйствія не исключаются, что пораженіе Россіи было бы опаснымъ для самой революціи, что надо продолжать воевать, хотя бы для тѣхъ ограниченныхъ и узкихъ цѣлей, которыя ставятся побѣдившимъ теченіемъ. Для даннаго момента это—самое важное, чего мы можемъ достигнуть. Какія бы мы прекрасныя формулы дружбы къ союзникамъ ни написали, но, если армія останется бездѣйственной, это будетъ фактической измѣной нашему обязательству. И наоборотъ, какія бы страшныя формулы, измѣняющія лойяльности, мы ни провозглашали, но если армія фактически будетъ воевать, то это, конечно, будетъ фактическимъ соблюденіемъ нашихъ обязательствъ по отношенію къ союзникамъ. И это оправдываетъ попытку созданія коалиціоннаго кабинета. Такимъ образомъ, я считаю, что въ общемъ появленіе этого кабинета есть актъ положительный. Оно, во всякомъ случаѣ, дастъ возможность надѣяться на достиженіе двухъ главнѣйшихъ цѣлей настоящаго момента—усиленія власти и перелома настроенія въ арміи. И поскольку наши задачи исполнятся, мы должны поддержать вновь образовавшееся Временное Правительство.

II.

Что было потомъ [1]).

Ровно мѣсяцъ тому назадъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ послалъ во Временное Правительство своихъ членовъ и побудилъ новый составъ Временнаго Правительства сдѣлать заявленіе, въ которомъ высказывалась новая точка зрѣнія на задачи нашей внѣшней политики. Въ настоящее время, мѣсяцъ спустя, сторонники новой формулировки открыто признаютъ въ печати, что политика Совѣта рабочихъ депутатовъ потерпѣла полный крахъ. Они призываютъ къ новому пересмотру задачъ внѣшней политики и способовъ ихъ осуществленія. Этотъ моментъ и для насъ является также наиболѣе удобнымъ для того, чтобы вернуться къ вопросу, который имѣетъ громадную важность для Россіи и тѣснѣйшимъ образомъ связанъ со всѣмъ, что совершается внутри Россіи, къ вопросу о войнѣ и объ отношеніи къ нашимъ союзникамъ.

Отвѣтъ союзниковъ.

Что собственно случилось за этотъ мѣсяцъ, что вызвало такое сильное разочарованіе тѣхъ, кто возлагалъ большія надежды на новую формулировку задачъ войны? Случилось то, что союзныя съ нами правительства, Англія, Франція, а также и Соединенные Штаты дали отвѣтъ на русское сообщеніе о задачахъ войны. Съ разбора этихъ отвѣтовъ мы и начнемъ, чтобы выяснить себѣ, что же собственно, въ нихъ было разочаровывающаго. Для того, чтобы было яснѣе, что эти отвѣты содержатъ новаго сравнительно со старыми задачами нашей и союзной политики, которая преслѣдовалась и до русской революціи, я напомню вамъ прежде всего, какъ ставились цѣли войны раньше нами и нашими союзниками. Это прямо и опредѣленно сказано въ отвѣтѣ союзниковъ пре-

[1]) Рѣчь, произнесенная 3 іюня въ совѣщаніи членовъ Государственной Думы.

зиденту Вильсону въ самомъ концѣ декабря прошлаго года. Позвольте мнѣ прочесть вамъ эти выдержки изъ нашего отвѣта. «Г. Вильсонъ желаетъ, чтобы воюющія стороны опредѣлили при полномъ свѣтѣ дня свои цѣли при веденіи этой войны. Союзники не встрѣчаютъ никакой трудности удовлетворить это желаніе. Ихъ военныя цѣли хорошо извѣстны: онѣ были многократно заявлены главами различныхъ правительствъ. Эти военныя цѣли будутъ установлены въ подробностяхъ, со всѣми компенсаціями и справедливыми вознагражденіями за понесенные убытки, во время переговоровъ. Но цивилизованный міръ знаетъ, что въ нихъ прежде всего и обязательно включается возстановленіе Бельгіи, Сербіи и Черногоріи съ должнымъ имъ вознагражденіемъ; очищеніе захваченныхъ областей во Франціи, въ Россіи, въ Румыніи, со справедливымъ возмѣщеніемъ; переустройство Европы, гарантированное прочнымъ режимомъ и основанное заразъ на уваженіи къ національностямъ и на правѣ полной безопасности и свободы экономическаго развитія всѣхъ народовъ, большихъ и малыхъ, въ то же время на территоріальномъ и интернаціональномъ соглашеніи съ цѣлью обезпеченія сухопутныхъ и морскихъ границъ противъ несправедливаго нападенія; возвращеніе провинцій, раньше оторванныхъ у союзниковъ силой или противъ воли ихъ жителей; освобожденіе итальянцевъ, а также славянъ, румынъ, чехословаковъ отъ иноземнаго господства; освобожденіе народностей, подчиненныхъ кровавой тираніи турокъ, и изгнаніе изъ Европы Оттоманской имперіи, какъ рѣшительно чуждой западной цивилизаціи».

Вотъ тѣ цѣли, которыя мы открыто заявили вмѣстѣ съ нашими союзниками въ самомъ концѣ декабря прошлаго года.

Формула, которая выставлена была Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и, по его указанію, новымъ составомъ Временнаго Правительства, эта формула вамъ извѣстна (голоса: «да»): «безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народностей». Какъ же реагировали на эту формулу наши союзники и какъ они связали свои отвѣты съ нашими прежними заявленіями? Вы знаете и отвѣты союзниковъ. Я не буду на нихъ подробно останавливаться. Напомню вамъ только, что союзники прежде всего категорически заявили, что, въ общемъ, идеалы, выставленные русской революціей, не противорѣчатъ ихъ стремленіямъ. Вы замѣтили, вѣроятно, что очень значительная часть отвѣта нашего Вильсону въ же

кабрѣ прошлаго года прямо вытекаетъ изъ программы «самоопредѣленія народностей» и ихъ освобожденія. Конечно, оставалось нѣчто, что могло быть подведено подъ «аннексіи и подъ «контрибуціи» и отъ чего слѣдовало бы, слѣдуя русскимъ желаніямъ, отказаться. Мы знаемъ, однако, что союзныя государства прежде всего указали, что смыслъ этихъ терминовъ довольно неопредѣленный. Въ одномъ смыслѣ они съ формулой совѣта соглашались, а въ другомъ считали нужнымъ сдѣлать изъятія: изъятія въ пользу того, что они считаютъ входящимъ въ область своихъ жизненныхъ интересовъ и что они никоимъ образомъ не согласны подводить подъ понятіе «аннексій» и «контрибуцій». Подтвердивъ такимъ образомъ, во-первыхъ, свое принципіальное согласіе съ той точкой зрѣнія, что война эта есть освободительная, и, во-вторыхъ, указавши точно, что именно они разумѣютъ подъ аннексіями и контрибуціями, наши союзники, однако, сказали: если, все-таки, Россія желаетъ, то мы согласны пересмотрѣть наши старые соглашенія и договоры. Вотъ, въ общихъ чертахъ отвѣтъ Франціи и Англіи. Въ частности Англія прямо заявила, что она лично ничего не преслѣдуетъ, кромѣ установленія такого порядка, который обезпечитъ весь міръ отъ повторенія германскаго нападенія и отъ будущей войны; Франція заявила, что ея первая задача прогнать врага съ французской территоріи, а что касается условій войны, она лишь напомнила о необходимости возвращенія Эльзаса и Лотарингіи и о своемъ рѣшеніи бороться за это до побѣды. Она требовала возмѣщенія убытковъ за безчеловѣчныя и неоправдываемыя опустошенія, желала получить необходимыя гарантіи противъ повторенія этой войны въ будущемъ и считала, что только послѣ побѣдной войны эти цѣли могутъ быть достигнуты. Вы знаете, что къ нотѣ французскаго правительства было еще прибавлено постановленіе палаты депутатовъ, т.-е. органа, «являющагося непосредственнымъ выразителемъ суверенитета французскаго народа», въ которомъ опять категорически были повторены всѣ эти заявленія. Въ особенности интересно и важно содержаніе третьяго заявленія, заявленія президента Вильсона. Вы помните, вѣроятно, что на предыдущихъ заявленіяхъ Вильсона особенно основывались тѣ, кто находилъ нужнымъ, чтобы война эта окончилась въ-ничью и чтобы миръ, который мы заключимъ, былъ «миромъ безъ побѣды». Съ тѣхъ поръ президентъ Вильсонъ понялъ, что поставленная имъ высокая задача со-

зданія международной организаціи, какъ основы для прочнаго мира, недостижима безъ борьбы и безъ побѣды. И Америка, вмѣсто того, чтобы уговаривать другихъ кончить войну въ-ничью и безъ побѣды, сама стала въ ряды воюющихъ, чтобы добиться побѣды и вернуться не къ тому неустойчивому, неопредѣленному положенію, изъ-за котораго произошла война, а къ тому новому порядку, который Вильсонъ предлагалъ въ своихъ прежнихъ нотахъ. Естественно, что Америка должна была въ особенности разочаровать своимъ заявленіемъ однихъ и успокоить другихъ. Вильсонъ опредѣленно и категорически заявилъ: да, мы ведемъ борьбу, мы эту борьбу ведемъ съ цѣлью побѣды, мы несогласны съ тѣми ошибочными, неправильными утвержденіями, которыми въ послѣднія недѣли пытались затуманить задачи войны; мы считаемъ, что источникъ этихъ заявленій заключается въ желаніи германскихъ правящихъ круговъ спастись отъ неизбѣжнаго пораженія и воспользоваться вліяніемъ крайнихъ партій, которыя вообще никогда не одобрялись германскимъ правительствомъ, но для даннаго случая послужили орудіемъ интриги въ странахъ, борющихся противъ Германіи по ту и другую сторону океана. И интрига достигла своей цѣли. Она опутала борющіяся противъ Германіи государства густой сѣтью, которая должна быть прежде всего разорвана для того, чтобы добиться цѣлей, дѣйствительно поставленныхъ союзниками. Цѣли эти, подтвердилъ Вильсонъ, никоимъ образомъ не суть возвращеніе къ тому, что было до войны, не status quo ante bellum, потому что именно этотъ status quo ante и привелъ насъ къ войнѣ, а достиженіе такого порядка, при которомъ повтореніе войны станетъ невозможнымъ. Это не громкая фраза, говорилъ онъ,—то, что мы говоримъ о будущемъ порядкѣ, а это высокая, осуществимая задача. Осуществлять ее нельзя громкими фразами, а можно только практическими средствами, ибо фразы до результатовъ не доводятъ. И Вильсонъ еще разъ повторилъ свою цѣль, свой идеалъ: общій международный договоръ, и твердо заявилъ, что единственное средство этого достигнуть—общая наша союзная побѣда. Онъ указалъ и на то, что единственная опасность, которая можетъ насъ не довести до этой побѣды,—это наше внутреннее разъединеніе, и что именно на этотъ путь насъ ведетъ германская интрига. Все это было сказано вполнѣ ясно и опредѣленно, и это одно должно было показать сторонникамъ новой программы нашей внѣшней политики, что громкая фраза, какъ

только подъ нее подводится реальное содержаніе, перестаетъ служить ихъ утопическимъ цѣлямъ и возвращаетъ насъ къ тѣмъ конкретнымъ задачамъ нашей борьбы, которыя мы всѣ одинаково понимали, которыя мы опредѣленно поставили и за которыя мы продолжаемъ бороться дальше. Правда, въ отвѣтахъ союзниковъ были сдѣланы оговорки, идущія навстрѣчу новымъ требованіямъ: вы ихъ недавно читали въ послѣдней рѣчи Альбера Тома. Да, можетъ быть, соглашался французскій министръ-синдикалистъ, въ теченіе войны нѣкоторые изъ союзниковъ увлеклись «имперіалистскими» стремленіями, отъ которыхъ они могутъ и отказаться. Но въ общемъ, заявилъ и Альберъ Тома, наши договоры соотвѣтствуютъ задачамъ войны.

Какъ поступилъ Совѣтъ раб. и солд. депутатовъ?

Какъ же отнесся къ положенію, создавшемуся послѣ отвѣтовъ союзниковъ, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и входящія въ него политическія партіи? Изъ органовъ этихъ партій вы можете видѣть, что въ теченіе нѣкотораго времени въ нихъ господствовало нѣкоторое смущеніе. Скоро оно смѣнилось раздраженіемъ и негодованіемъ. Нельзя было уже обвинять союзныя «буржуазныя» правительства въ томъ, что они дали свои отвѣты, не спросивъ своихъ народовъ. Обвиненіе, естественно, должно было перенестись на самые эти народы, которые поддерживаютъ «буржуазныя» правительства. Но если такъ, то какой же исходъ? Какъ дальше вести дѣло, какъ поставить задачи русской внѣшней политики такъ, чтобы достигнуть такого мира, котораго желаютъ политическія партіи, объединенныя въ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ? Въ отвѣтъ на эти неизбѣжные вопросы мы получили цѣлый рядъ заявленій, очень яркихъ, быть можетъ, вызванныхъ моментомъ раздраженія и потому болѣе категорическихъ, договаривающихъ до конца тѣ мысли, которыя было рискованно высказывать раньше. Чтобы сразу показать, къ чему ведутъ эти мысли, я остановлюсь на предложеніи большевиковъ, на проектѣ ихъ резолюціи по поводу нотъ Англіи и Франціи, внесенномъ въ Исполнительный комитетъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. Большевики заявляютъ, что отвѣты англійскаго и французскаго правительствъ доказали нежеланіе «имперіалистской буржуазіи» союзныхъ странъ стать на точку зрѣнія «мира безъ аннексій и контрибуцій на основаніи права націй на

самоопредѣленіе»; тѣмъ самымъ политика коалиціоннаго Временнаго Правительства потерпѣла полное пораженіе и отнынѣ проповѣдь наступленія для арміи есть проповѣдь борьбы за имперіалистскія цѣли нашихъ союзниковъ. Резолюція большевиковъ предлагаетъ, поэтому, вновь пересмотрѣть соглашеніе съ Временнымъ Правительствомъ и измѣнить внѣшнюю политику Совѣта рабочихъ депутатовъ. Именно предлагается принять такую тактику: Совѣтъ рабочихъ депутатовъ немедленно обращается къ рабочимъ и солдатамъ всѣхъ воюющихъ странъ и заявляетъ, что онъ отвергаетъ захватныя цѣли войны всѣхъ буржуазій, считая притомъ такими захватными цѣлями «не только удержаніе областей, которыя захвачены во время этой войны, но также и всѣхъ неполноправныхъ націй, насильственно включенныхъ въ составъ этихъ государствъ и пребывающихъ въ нихъ безъ добровольнаго на то ихъ согласія. Такимъ образомъ, принципъ самоопредѣленія націй сводится къ немедленному пересмотру всѣми національностями, входящими въ составъ воюющихъ государствъ, вопроса объ ихъ принадлежности къ тому или другому государству. Затѣмъ Совѣту рекомендуется заявить, что онъ «призываетъ всѣ угнетенные классы всѣхъ странъ развитіемъ пролетарской революціи противъ имперіалистическихъ правительствъ помочь, каждому въ своей странѣ, борьбѣ русскихъ рабочихъ. Чтобы осуществить это въ Россіи, Совѣтъ долженъ взять власть въ свои руки. Резолюція высказываетъ надежду, что то новое русское правительство, которое будетъ поставлено Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, немедленно обратится вновь къ воюющимъ правительствамъ, прямо изложитъ имъ условія мира и предложитъ имъ открыть мирные переговоры. Если правительства, какъ можно ожидать, на это не согласятся, то такое обращеніе «разоблачитъ всѣ эти правительства, поставитъ ихъ въ невозможность удержать власть надъ угнетенными классами и расчиститъ путь для міровой пролетарской революціи». Вотъ то послѣднее слово цѣльнаго міровоззрѣнія, высказать которое принудила крайнюю изъ соціалистическихъ партій неудача болѣе умѣренно формулированныхъ требованій Совѣта, принятыхъ Временнымъ Правительствомъ.

Можно ли, однако, считать, что такая постановка вопроса свойственна только этой крайней партіи? Къ сожалѣнію, сказать этого нельзя. Мы имѣемъ чрезвычайно яркій документъ, который исходитъ отъ всего Совѣта рабочихъ де-

путатовъ и обращенъ ко всѣмъ союзнымъ странамъ, ко всему міру,—и цѣль котораго какъ разъ показать, въ чемъ русскіе министры-соціалисты идутъ дальше министровъ-соціалистовъ другихъ союзныхъ съ нами странъ. Дѣло въ томъ, что министры-соціалисты союзныхъ съ нами странъ суть такъ называемые «соціалъ-патріоты». Они—сторонники борьбы противъ врага въ союзѣ съ другими классами и съ своими правительствами. А Совѣтъ рабочихъ депутатовъ заявляетъ, что наши министры, вошедшіе во Временное Правительство, вошли туда совершенно на иномъ основаніи, почему и нельзя проводить параллель между ними и иностранными министрами-соціалистами. Въ чемъ же разница? Вотъ тѣ пункты, которые Совѣтъ рабочихъ депутатовъ устанавливаетъ въ своемъ офиціальномъ сообщеніи. Во-первыхъ министры-соціалисты русскаго правительства вошли въ правительство съ опредѣленнымъ порученіемъ—добиться всеобщаго мира путемъ согласія народовъ, а вовсе не продолжать имперіалистскую войну во имя освобожденія народовъ штыками. Вы знаете, что соціалисты-министры союзныхъ странъ, дѣйствительно, считаютъ, что надо продолжать войну «до побѣды», что только этимъ путемъ возможно получить всеобщій міръ. Второй пунктъ еще ярче. Во-вторыхъ, цѣль участія соціалистовъ въ нашемъ Временномъ Правительствѣ не есть прекращеніе борьбы классовъ, а, напротивъ, продолженіе борьбы средствами политической власти. Другими словами, классовая борьба есть прямая задача министровъ-соціалистовъ, вошедшихъ въ составъ Временнаго Правительства. За границей министры-соціалисты самымъ вступленіемъ своимъ въ правительство показали, что они отказываются отъ классовой борьбы во время войны. Наши министры говорятъ, что цѣль ихъ продолжать классовую борьбу средствами той политической власти, которую они получили, войдя въ правительство. Въ-третьихъ, оказывается, русскіе соціалисты находятся въ другомъ положеніи, чѣмъ западные, потому что они гораздо свободнѣе. Въ Россіи нѣтъ такихъ стѣсненій, которыя существуютъ въ западныхъ государствахъ во время войны. Кромѣ того, наши соціалисты подчинены вполнѣ дѣйствительному контролю надъ ними рабочаго класса. Какъ выводъ изъ этихъ различій, устанавливается, что русскіе соціалисты, войдя въ правительство, не только не ослабили своей связи съ міровымъ пролетаріатомъ, но, напротивъ, укрѣпили эту связь общею съ ними и отнынѣ

болѣе интенсивною борьбою за всеобщій миръ. Такимъ образомъ, въ отвѣтъ на заявленія нашихъ союзниковъ, которые въ общемъ признали освободительныя задачи войны и подтвердили наши общія цѣли, проведена рѣзкая грань, вырыта какъ бы пропасть между русскими соціалистами-интернаціоналистами, которые добиваются усиленія классовой борьбы и объединенія съ пролетаріатомъ всѣхъ странъ,—и національно настроенными соціалистами запада.

Источникъ циммервальдской заразы.

Откуда пришла подобная зараза? Для большей ясности я позволю себѣ дать вамъ историческую справку. Прошлый разъ я указывалъ на конференціи заграничныхъ соціалистовъ въ Швейцаріи, въ Циммервальдѣ и Кинталѣ. Сегодня я хочу остановиться на этихъ вопросахъ подробнѣе. Въ одной шведской газетѣ «Ny Tid» былъ поставленъ вопросъ: правда ли, что Циммервальдъ повліялъ на Россію, что циммервальдскія идеи завезены изъ-за границы въ Россію? Шведскій журналъ отвѣтилъ совершенно правильно: «нѣтъ, это невѣрно. Напротивъ, Россія привезла за границу циммервальдскія идеи, и оттуда онѣ возвращены намъ, по принадлежности, обратно». На самомъ дѣлѣ въ Циммервальдѣ и въ особенности въ Кинталѣ идейными руководителями съѣздовъ были наши же русскіе соціалисты: какъ разъ тѣ самые большевики, которые въ настоящее время орудуютъ въ Петроградѣ и Россіи. Они диктовали резолюціи этихъ конференцій, на которыхъ вообще европейскій соціализмъ былъ представленъ очень случайно и очень неполно. Это и вполнѣ понятно, такъ какъ громадное большинство европейскихъ соціалистовъ суть, такъ называемые, «соціалисты-патріоты». А какъ отнеслись русскіе эмигранты-соціалисты къ этому «соціалъ-патріотизму»? Нѣкоторые къ нему примкнули, но многіе отнеслись рѣзко, отрицательно. Въ теченіе всей войны въ Европѣ это крайнее теченіе русскаго соціализма вело упорную борьбу противъ національнаго соціализма всѣхъ странъ, выдвигая тѣ самыя положенія, которыя я вамъ только что прочелъ изъ заявленія Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Въ доказательство я приведу вамъ нѣсколько примѣровъ. Въ Лондонѣ собралась конференція союзныхъ соціалистовъ-патріотовъ. Это было въ февралѣ 1915 года, въ началѣ войны. На Лондонской конференціи, между прочимъ,

было постановлено, что борьбу надо продолжать, что война ведется по винѣ Германіи. Одному изъ очень лѣвыхъ соціалистовъ, котораго недавно не пустили въ Россію за его лѣвизну, Рамсею-Макдональду, принадлежитъ такая фраза въ резолюціи Лондонскаго съѣзда: «вторженіе въ Бельгію и Францію германскихъ армій грозитъ существованію независимыхъ народовъ, разрушаетъ вѣру въ договоры; побѣда германскаго милитаризма была бы пораженіемъ и уничтоженіемъ свободы и демократіи въ Европѣ». Какъ видите,—совсѣмъ «соціалъ-патріотическая» фраза, несмотря на то, что Рамсей-Макдональдъ стоитъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ англійскаго соціализма. Противъ резолюцій Лондонской конференціи февраля 1915 года сторонники Аксельрода, Мартова, и Ленина выставили слѣдующія возраженія. Во-первыхъ, они заявили, что собирать однихъ только союзныхъ соціалистовъ, значитъ противорѣчить принципу интернаціонала. Во-вторыхъ, они утверждали, что стремленіе «правительственныхъ соціалистовъ» союзныхъ странъ «поддержать иллюзію соціалистическаго долга—защиты страны —это есть «преступное злоупотребленіе идеями и авторитетомъ интернаціональнаго соціализма, который такимъ образомъ прикрываетъ враждебные ему интересы русскихъ, французскихъ и англійскихъ имперіалистовъ». Въ-третьихъ, они поставили своими задачами, во-первыхъ, раскрытіе тенденцій этой войны; во-вторыхъ, скорѣйшій созывъ интернаціональной конференціи всѣхъ странъ. Въ качествѣ лозунговъ одновременной революціонной мобилизаціи пролетаріата всѣхъ странъ, лозунговъ революціоннаго дѣйствія, который надо противопоставить лозунгамъ Лондонской конференціи, намѣчено «скорѣйшее окончаніе войны съ самымъ рѣшительнымъ отклоненіемъ всякихъ насильственныхъ аннексій». Указано далѣе, что для того, чтобы добиться скорѣйшаго заключенія мира, необходимо «разорвать національный блокъ во всѣхъ воюющихъ странахъ, вернуться къ пролетарской классовой борьбѣ рабочихъ воюющихъ странъ на экономической и политической основѣ и потребовать отъ соціалъ-демократовъ, вступившихъ въ буржуазныя министерства Франціи и Бельгіи, выхода изъ этихъ министерствъ». Вотъ первая декларація заграничныхъ большевиковъ. Она находится, какъ вы видите, въ очень тѣсной идейной связи съ заявленіемъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. Но эта декларація не единственная. Вотъ манифестъ ленинской большевистской группы русской со-

ціалъ-демократіи, составленный для Копенгагенской конференціи въ январѣ 1915 г. Здѣсь говорится, что «оппортунисты соціализма подготовили крушеніе интернаціонала тѣмъ, что они отрицали соціалистическую революцію и замѣняли ее буржуазнымъ реформизмомъ, что они отклоняли превращеніе въ извѣстные моменты классовой борьбы въ междоусобную гражданскую войну, что они отрицали утвержденіе коммунистическаго манифеста 1847 г., состоящее въ томъ, что «у соціалистовъ нѣтъ отечества», что они удовлетворяются сентиментальными мелко-буржуазными взглядами о возможности уничтоженія милитаризма, вмѣсто признанія необходимости революціонной борьбы пролетаріата всѣхъ странъ противъ буржуазіи всѣхъ странъ. Въ противоположность всему этому ленинская группа выдвигаетъ требованія: «вмѣсто парламентской борьбы и легальныхъ возможностей создать нелегальныя формы агитаціи и организаціи во время войны». Большевики заявляютъ, что «революціонные соціаль-демократы используютъ свой организаторскій опытъ и свои связи съ рабочими классами для того, чтобы создать приспособленныя къ моменту кризиса нелегальныя формы для объединенія рабочихъ классовъ не съ буржуазіей своей собственной страны, но съ рабочими всѣхъ странъ. *Превращеніе настоящей и имперіалистической войны въ гражданскую войну*—это единственно правильный пролетарскій лозунгъ, который диктуется опытомъ коммуны и базельской резолюціей 1912 года».

На этихъ основаніяхъ была собрана и осенняя конференція 1915 г. въ Циммервальдѣ, которая впервые провозгласила эти лозунги уже отъ имени меньшинства интернаціональнаго соціализма. Но еще ярче то же самое было провозглашено на апрѣльской конференціи 1916 г. въ Кинталѣ. Для того, чтобы охарактеризовать психологію этой конференціи, я познакомлю васъ еще съ однимъ документомъ. Это проектъ манифеста, который предложенъ Кинтальской конференціи за подписями Аксельрода, Лапинскаго и Мартова. Ихъ разсужденія сводятся къ тому, что «буржуазныя надежды на будущій международный порядокъ, на разграниченіе сферъ вліянія, на частичное разоруженіе и на обязательность третейскаго суда—эти популярнѣйшіе взгляды въ области пацифизма»—все это вещи никуда негодныя и что «пролетаріатъ въ развитіи международнаго права не можетъ усмотрѣть дѣйствительной гарантіи постояннаго мира». «Единственное средство

для того, чтобы уничтожить злую волю имперіалистскихъ кликъ, есть ослабленіе диктатуры этихъ кликъ революціоннымъ давленіемъ пролетаріата». Какимъ способомъ? Аксельродъ и Мартовъ указываютъ этотъ методъ: *обезоруженіе буржуазныхъ правительствъ радикальной демократизаціей арміи*, отмѣна постоянныхъ войскъ и введеніе международной милиціи, дѣйствительно народнаго вооруженія на системѣ, построенной на демократическихъ гарантіяхъ. Конечно, прибавляютъ они, «демократизація системы народнаго вооруженія должна стоять въ тѣснѣйшей связи съ успѣхами классовой борьбы пролетаріата за власть въ государствѣ, и только тогда станетъ возможнымъ уничтоженіе тайной дипломатіи, дѣйствительное подчиненіе международныхъ отношеній и договоровъ, которые ихъ регулируютъ, контролю народныхъ представительствъ» и т. д. «Пролетаріатъ можетъ подготовить реальныя гарантіи къ уничтоженію всѣхъ войнъ и поводовъ къ войнамъ лишь въ той степени, въ которой онъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ было до сихъ поръ, сплотится въ интернаціональную политическую силу и откажется подчинить свои собственные интересы національной солидарности такъ называемой «оборонѣ отечества».

Вотъ, стало быть, на какой путь,—«на путь, циммервальдскаго манифеста, на путь возстановленія общеклассовой борьбы противъ объединеннаго въ войнѣ буржуазнаго общества, на путь безусловнаго разрыва всякихъ священныхъ союзовъ и всякаго гражданскаго мира между партіями, на путь непримиримой войны со всѣми общественными силами, которыя ведутъ эту войну и затягиваютъ ее, на путь международнаго соглашенія пролетаріевъ всѣхъ странъ для немедленнаго окончанія войны и уничтоженія классоваго господства буржуазіи,—*на путь соціальной революціи*» и зовутъ авторы проекта манифеста, предложеннаго въ Кинталѣ.

Отношеніе германскихъ соціалистовъ къ большевикамъ.

Какъ я уже сказалъ раньше, въ Кинталѣ именно эти лица, русскіе большевики, руководили принятіемъ резолюціи. Какъ же отнеслись къ этимъ русскимъ дѣятелямъ, идеологія которыхъ столь опредѣленна и всегда одна и та же, какъ отнеслись къ нимъ заграничные соціалисты? Германцы находятъ, что,—я беру эту цитату изъ книги Эдуарда Давида «Соціаль-демократія въ міровую войну»,—«если бы *эта*

тактика русскихъ соціалистовъ рекомендовалась, какъ *пригодная для Россіи*, то противъ этого нельзя сказать ни одного слова». Но все дѣло въ томъ, что русскіе соціалисты доказываютъ, что ихъ тактика годится и для Европы. И вотъ германскіе соціалисты первые противъ этого возражаютъ. Давидъ говоритъ: «я считаю, что теорія и тактика, которая здѣсь излагается, есть специфически русская тактика. Въ Россіи эта тактика имѣетъ реальныя условія существованія, это ея истинное отечество, тамъ у нея самые сильные корни, оттуда идетъ и большая часть пропагандистовъ мужского и женскаго пола. Въ теченіе лѣтъ они хорошо подвѣшенными языками и гибкими перьями стараются обработать терпѣливую германскую партію, собрать около себя общину, и живутъ въ мечтѣ, что милліонныя массы германской соціалъ-демократіи могутъ быть пріобрѣтены для тактики внѣпарламентскаго дѣйствія. Но вотъ наступила буря войны—и сдула карточный домикъ глубоко обоснованныхъ теорій и непогрѣшимыхъ пророчествъ». Таково ироническое отношеніе къ проповѣди русскихъ циммервальдцевъ и кинтальцевъ, тѣхъ самыхъ соціалистовъ, на которыхъ они разсчитываютъ, что тѣ произведутъ революцію въ Германіи и низвергнутъ кайзера. Я прочту вамъ еще одинъ отрывокъ въ томъ же родѣ. У меня въ рукахъ остроумная лекція соціалиста Грумбаха, прочтенная въ Швейцаріи въ присутствіи нашихъ большевиковъ: «Ошибка Циммервальда и Кинталя». Вотъ страничка, посвященная большевикамъ. Разобравши очень шаткіе взгляды Раковскаго, извѣстнаго нынѣ румынскаго соціалиста, Грумбахъ продолжаетъ: «гораздо проще, чѣмъ Раковскій, поступаютъ товарищи Ленинъ и Зиновьевъ, которые оба отъ имени русскихъ большевиковъ были и въ Циммервальдѣ, и въ Кинталѣ. Съ ними мы подходимъ къ великимъ инквизиторамъ интернаціонала. По счастію, у нихъ нѣтъ исполнительной власти, иначе зажглось бы много костровъ въ Европѣ, и многіе изъ насъ подъ звуки ленинскихъ гимновъ, въ честь «истинно-ленинскаго соціализма», были бы поджарены, и въ качествѣ погибшихъ буржуазно-націоналистически-шовинистически-соціалъ-патріотически настроенныхъ душъ попали бы въ адъ измѣнниковъ соціализму». Въ книгѣ о «Соціализмѣ и войнѣ», изданной Ленинымъ и Зиновьевымъ, авторы пишутъ, разбирая вопросъ о наступательной и оборонительной войнѣ: «когда, напр., завтра, Марокко вступитъ въ войну противъ Франціи или Индія противъ Англіи, Персіи и Китай противъ

Россіи, это будетъ справедливая оборонительная война, независимо отъ того, кто начнетъ эту войну». Грумбахъ по этому поводу замѣчаетъ: «здѣсь сумасшествіе становится системой. Значитъ колоніи сами могутъ вести наступательныя войны, и Ленинъ былъ бы въ состояніи возсѣсть на арабскаго скакуна, облечься въ бѣлый бурнусъ и, бормоча истинно-большевистскія формулы заклинаній, защищать независимость его величества султана Марокеша и Феса. Но, когда величайшая республика Европы, которая, вопреки своей капиталистической болѣзни, которую она, естественно, раздѣляетъ со всѣми другими государствами всего капиталистическаго міра, все-таки можетъ считаться демократіей, когда эта страна ведетъ войну противъ вторгнувшихся войскъ феодальной Германіи, побѣды которой циммервальдецъ Троцкій такъ страшно боится, они говорятъ: это—измѣнники соціализму, и истинно-большевистскій ударъ грома падаетъ съ ленинской головы на соціалъ-патріотовъ». Обращаясь къ Зиновьеву, который какъ разъ прервалъ его на этомъ мѣстѣ лекціи, Грумбахъ продолжаетъ: «Вы живете въ мірѣ механическихъ построеній и революціонныхъ иллюзій. Это даетъ вамъ видъ полной увѣренности, полной свободы отъ всѣхъ тревожащихъ сомнѣній. Но, все-таки, если вы надолго предадитесь этимъ настроеніямъ, у васъ могутъ оказаться и разочарованія, которыя для общаго движенія окажутся довольно вредными». Не хотите ли доказательства тѣхъ иллюзій, которымъ предается Ленинъ, безъ направленія? Возьмите интернаціонально-марксистскій органъ, январскій номеръ Vorbote 1916 года, и читайте статью Ленина: «Факты говорятъ, что въ 1915 г., какъ разъ на основѣ революціоннаго броженія въ массахъ, вызваннаго военнымъ кризисомъ, возрастаютъ забастовки и политическія демонстраціи въ Россіи, забастовки въ Италіи и Англіи, голодныя политическія демонстраціи въ Германіи. Что онѣ иное, какъ не начало революціонныхъ массовыхъ столкновеній?» Грумбахъ замѣчаетъ: «здѣсь сказался весь Ленинъ съ его оригинальными очками, черезъ которыя онъ смотритъ на жизнь. Итакъ, голодныя демонстраціи въ Германіи есть начало революціонной массовой борьбы! Ленинъ рѣшается написать подобныя слова! И, однако, ничто не было такъ далеко отъ революціонной массовой борьбы, какъ голодныя возстанія, которыя вызвалъ недостатокъ жизненныхъ припасовъ въ Германіи. Хороша революціонная борьба, которая возгарается подъ давленіемъ англійской блокады! Наоборотъ, можно съ гораздо

большимъ правомъ сказать, что тотъ фактъ, что, несмотря на страшныя страданія германскаго народа и его неимущихъ классовъ, несмотря на пропаганду оппозиціи, которая указывала на то, что на Германіи лежитъ главная вина за начало этой войны, несмотря на полное отсутствіе хотя бы малѣйшихъ демократическихъ реформъ въ области внутренней политики, несмотря на неслыханное давленіе, которое производятъ военныя власти, несмотря на сотни и тысячи арестовъ, которые предпринимаются, чтобы удалить съ улицы политически подозрительный элементъ и безъ дальнѣйшаго разслѣдованія бросить въ тюрьмы, несмотря на нарушеніе парламентской неприкосновенности по отношенію къ столь популярному народному вождю, какъ Либкнехтъ, несмотря на все это, спокойствіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ уличныхъ стычекъ, оказывается вполнѣ сохраненнымъ. Этотъ фактъ даетъ достаточное доказательство полнаго недостатка революціонной склонности у германскаго народа».

Вотъ цитата, которая чрезвычайно ярко характеризуетъ и то, какъ относится германская соціалъ-демократія къ тѣмъ теоріямъ, которыя раздѣляетъ нашъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, и то, какъ самъ германскій народъ нечувствителенъ къ той агитаціи, которая, къ сожалѣнію, имѣетъ у насъ такое большое вліяніе.

Германская пропаганда въ Россіи.

Въ замѣчаніи германскаго соціалиста, что теоріи Ленина, Мартова, Аксельрода и Троцкаго больше всего годятся для Россіи, вы чувствуете не только психологическое наблюденіе надъ тѣмъ, при какихъ условіяхъ появились на свѣтъ подобные теоретики. Вы чувствуете здѣсь также и практическій намекъ, какъ всего удобнѣе было бы употребить этихъ теоретиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому и гдѣ всего выгоднѣе примѣненіе подобныхъ теорій? Несомнѣнно, выгоднѣе всего онѣ для германцевъ въ Россіи. И мы уже видимъ цѣлый рядъ германскихъ попытокъ создать широкое распространеніе этой проповѣди въ Россіи. Я не буду говорить о первомъ актѣ, объ этомъ знаменитомъ путешествіи черезъ Германію цѣлыхъ пачекъ циммервальдскихъ и кинтальскихъ проповѣдниковъ. Я буду говорить только о послѣдующихъ шагахъ, которые показываютъ, что германцы внимательно слѣдятъ за тѣмъ,

что у насъ происходитъ. Вы знаете, что въ то самое время, когда появлялись негодующіе протесты противъ отвѣтовъ союзныхъ державъ, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ получилъ и опубликовалъ извѣстную радіотелеграмму Гинденбургъ, которая совершенно опредѣленно устанавливаетъ, по крайней мѣрѣ, двѣ попытки германцевъ войти въ мирные переговоры черезъ русскія войска,—не черезъ правительства, а именно черезъ войска, уже разложившіяся подъ вліяніемъ циммервальдской теоріи. Для того, чтобы понять, почему именно по этому адресу направляются германскія усилія, припомните напечатанную сегодня въ газетахъ выдержку изъ статьи извѣстнаго проф. Дельбрюка, которая указываетъ, что въ другихъ странахъ и въ другія времена, когда правительства не хотѣли заключать сепаратнаго мира, то обыкновенно этотъ миръ заключали сосѣднія другъ съ другомъ арміи. Къ счастью, эти первыя попытки оказались безплодными. Генералъ Драгомировъ не отвѣчалъ на письмо. Другая попытка, въ VIII и IX арміи, тоже осталась безъ послѣдствій. Тогда Гинденбургъ обращается съ апелляціей къ русскому народу,—потому что его радіотелеграмма предназначается уже для русскаго народа,—отъ котораго правительство скрываетъ такой важный первый шагъ къ заключенію мира. Въ своемъ обращеніи Гинденбургъ говоритъ: «давайте, войдемъ въ переговоры, и пусть они будутъ секретны отъ вашихъ союзниковъ. Вы не хотите вѣдь опубликовать тайныхъ договоровъ; такъ вступите съ нами въ тайные переговоры. Что касается содержанія ихъ, этого содержанія мы вамъ сейчасъ не скажемъ. Но мы можемъ сказать одно, что миръ будетъ честный для обѣихъ сторонъ и дастъ Россіи «экономическую поддержку на благо всѣмъ причастнымъ народамъ». Другими словами, на счетъ «аннексій» германцы молчатъ. Но они не могутъ умолчать объ одномъ существенномъ для нихъ вопросѣ, вопросѣ о торговомъ договорѣ. Какъ вы помните, война наша началась тогда, когда истекалъ срокъ торговаго договора. Очевидно Германія, предлагая сепаратный миръ, считаетъ, что обстоятельства сложились сейчасъ не хуже для нея и не лучше для насъ, чѣмъ тогда, когда былъ намъ навязанъ, во время прежней неудачной войны съ Японіей, договоръ 1914 г. Германія умѣетъ выбирать моменты, чтобы крѣпко сѣсть на шею русскаго народа, и умѣетъ прикрыть это тѣмъ предлогомъ, что она «дастъ Россіи экономическую поддержку». По счастью, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ на пред-

ложеніе Гинденбурга нашелъ достойный отвѣтъ. Онъ заявилъ, что «открытое предложеніе сепаратнаго мира съ германскимъ императоромъ наши революціонныя войска отвергли бы съ негодованіемъ. Но что предлагается генераломъ германскаго императора, кромѣ сепаратнаго мира? Сепаратное перемиріе»? Совѣтъ съ негодованіемъ отвѣчаетъ: германскій генералъ «забылъ о томъ, что русскія войска знаютъ, куда уведены съ нашего фронта германскія дивизіи и тяжелыя батареи. Онъ забылъ, что до Россіи доносится шумъ кровавыхъ боевъ на англійскомъ фронтѣ и французскомъ. Онъ забылъ, что Россія знаетъ, что разгромъ союзниковъ будетъ началомъ разгрома ея арміи и повлечетъ за собою гибель революціи, гибель свободы и гибель Россіи».

Все это прекрасно сказано. Но отчего же въ этомъ заявленіи Совѣта ничего не сказано о наступленіи? Отчего здѣсь говорится только объ «удвоеніи энергіи надъ возсозданіемъ боевой мощи Россіи»? Сопоставьте этотъ вопросъ съ очень страннымъ и двусмысленнымъ отношеніемъ, какое обнаруживаетъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ къ той дѣятельности, которую съ большимъ успѣхомъ развивалъ въ послѣднее время Военный Министръ. Сопоставьте это умолчаніе съ той новой редакціей вопроса о наступленіи, которая становится теперь популярной. Нужно, оказывается, не самое «наступленіе», а «подготовка къ возможности наступленія». При этомъ въ «подготовку» включается и удостовѣреніе относительно тѣхъ цѣлей войны, которыя преслѣдуютъ съ нами наши союзники. Такая «подготовка», очевидно, можетъ затянуться на весьма и весьма долгое время. Такимъ образомъ, очень благородныя слова и чувства Совѣта рабочихъ депутатовъ не ведутъ къ тѣмъ практическимъ дѣйствіямъ, которыя единственно могли бы спасти Россію. И я понимаю только что уѣхавшую отъ насъ депутацію итальянскихъ соціалистовъ, которые, выдержавъ весьма строгій и придирчивый экзаменъ на счетъ имперіалистскихъ стремленій итальянцевъ въ этой войнѣ, въ свою очередь позволили себѣ поставить одинъ скромный вопросъ: *будете ли вы наступа ь или нѣ ъ?* Причемъ, на этотъ вопросъ они тоже не получили опредѣленнаго отвѣта.

Къ сожалѣнію, провокаціонный шагъ Гинденбурга не единственный. Германія ищетъ сепаратнаго мира не только на фронтѣ, въ окопахъ, она ищетъ его въ Россіи. Самъ предсѣдатель Циммервальдской конференціи, Робертъ Гриммъ,

личность очень хорошо и опредѣленно извѣстная во всей европейской соціалъ-демократіи, явился въ Петроградъ. Я долженъ сказать, что въ мою бытность министромъ я запретилъ Роберту Гримму въѣздъ въ Россію, зная, что Робертъ Гриммъ является агентомъ германскаго правительства (голоса: «правильно»; рукоплесканія). Сегодня мы читаемъ въ газетахъ, что Робертъ Гриммъ высланъ обратно за границу и смѣшаннымъ министерствомъ съ участіемъ министровъ-соціалистовъ. Къ сожалѣнію только, министрамъ-соціалистамъ понадобился цѣлый мѣсяцъ для того, чтобы удостовѣриться въ томъ, что мнѣ было извѣстно больше мѣсяца тому назадъ. Только теперь они узнали, что Робертъ Гриммъ получаетъ порученія отъ германскаго правительства, что онъ является посредникомъ, черезъ головы правительства, опять по тому же вопросу, по вопросу о сепаратномъ мирѣ. А за этотъ промежутокъ Робертъ Гриммъ присутствовалъ на сходкахъ, говорилъ рѣчи—непремѣнно на нѣмецкомъ языкѣ,—былъ чествуемъ соціалистическими дѣятелями; словомъ, составилъ себѣ хорошую репутацію, по счастью, не на-долго. Есть и еще фактъ того же рода. Недавно арестованъ довольно извѣстный писатель, писавшій подъ именемъ Баяна, Сѣренькаго и т. д. въ разныхъ газетахъ, г. Колышко. Его арестъ раскрылъ неожиданныя вещи. Оказывается, что г. Колышко на германскія деньги очень много поработалъ надъ удаленіемъ изъ перваго состава Министерства военнаго министра Гучкова и министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова. Такимъ образомъ, германская работа не ограничивается академическими предложеніями сепаратнаго мира. Рядомъ съ этимъ ведется весьма энергичная чисто практическая работа, направленная на разложеніе арміи и на разстройство нашихъ отношеній къ союзникамъ. Работая параллельно съ идеологами Кинталя и Циммервальда, германская интрига достигаетъ цѣлей, которыя пріятны, съ одной стороны, нашимъ крайнимъ партіямъ, а съ другой—германскому правительству. Нужно только прибавить одно: наше Временное Правительство арестовало Колышко и выгнало Роберта Гримма, а Ленинъ, Троцкій, вновь проповѣдующій свою перманентную революцію, и ихъ товарищи, достаточно нагрѣшившіе противъ всѣхъ параграфовъ уголовнаго кодекса, гуляютъ на свободѣ (голоса: «позоръ») и вносятъ заразу въ русское общество и въ русскую армію. Я думаю, намъ надо пожелать нашему правительству быть послѣдовательнымъ и перейти отъ иностран-

цевъ и «буржуазіи» къ соціалистамъ-идеологамъ Циммервальда. Будемъ желать, чтобы когда-нибудь и Ленина съ его товарищами послали туда же, гдѣ находится Колышко.

Новая соломинка—международная конференція.

Я перехожу къ другому вопросу. На что, собственно, надѣются, какіе планы дѣйствій теперь могутъ сочинить лѣвыя партіи Совѣта рабочихъ депутатовъ? Онѣ признаютъ, стало быть, что ихъ старый планъ разрушенъ, что, такъ сказать, добромъ прямо ничего не получишь отъ союзныхъ правительствъ. Что же теперь нужно сдѣлать? Тутъ возникаютъ разные планы. Первый и самый легкій, потому что онъ отсрочиваетъ рѣшеніе вопроса,—это созывъ международной соціалистической конференціи. Тамъ, на международной соціалистической конференціи, говорятъ намъ, мы сговоримся; тамъ мы возстановимъ интернаціоналъ и навяжемъ интернаціоналу кинтальскія идеи. Надо, однако, сказать, что и этотъ планъ, по мѣрѣ того, какъ онъ разрабатывается, оказывается не столь ужъ удачнымъ, какъ предполагалось вначалѣ. Починъ созыва международной конференціи сдѣлали, собственно говоря, не русскіе соціалисты, онъ сдѣланъ голландцами. Въ Голландіи идетъ весьма оживленная агитація въ пользу мира. Тамъ существуютъ и пацифистскія общества и публикаціи этихъ обществъ. Голландскіе соціалисты, Трульстра и его друзья, первые отправились въ Стокгольмъ, чтобы тамъ созвать интернаціоналъ. На первыхъ же порахъ они натолкнулись на очень серьезное затрудненіе. Единственный свободный представитель интернаціонала и предсѣдатель международнаго бюро въ Брюсселѣ, Вандервельдъ, принадлежитъ къ числу «соціалъ-патріотовъ». Вандервельдъ—единственный человѣкъ, который могъ *законно* созвать конференцію,—не созвалъ ее. Совершенно естественно, что, прибывши въ Стокгольмъ, голландцы должны были послѣ нѣкотораго размышленія отказаться отъ созыва интернаціонала. Они пошли другимъ путемъ. Они сговорились съ норвежскими, шведскими и датскими соціалистами объ образованіи объединеннаго Голландско-Скандинавскаго комитета и заявили, что хотя, дѣйствительно, они созвать интернаціоналъ не въ правѣ, но они въ правѣ пригласить соціалистическія группы всѣхъ странъ отдѣльно и съ каждой отдѣльно переговорить. И они

предоставляютъ себѣ право, если большинство этихъ группъ выскажется за общій съѣздъ соціалъ-демократическихъ представителей всѣхъ странъ, созвать этотъ съѣздъ. И вотъ, въ Стокгольмъ началось паломничество отдѣльныхъ соціалистическихъ группъ, которое продолжается до сихъ поръ.

Но раньше, чѣмъ эта голландско-скандинавская идея развернулась до конца, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ неожиданно объявилъ, что онъ беретъ починъ созыва международной конференціи на себя и приглашаетъ соціалъ-демократовъ всѣхъ странъ пожаловать въ одну изъ нейтральныхъ столицъ. Тутъ произошелъ опять нѣкоторый конфузъ, потому что Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, какъ таковой, къ интернаціоналу не принадлежитъ. Къ интернаціоналу принадлежатъ отдѣльныя соціалистическія партіи и каждая изъ нихъ принимается по особому постановленію. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ не есть такое учрежденіе, которое могло бы созвать интернаціоналъ. Поэтому за границей произошло большое смущеніе. Не могли понять, какое право имѣетъ новоявленное русское учрежденіе обращаться съ формальными предложеніями къ международному соціализму. Надо сказать, однако же, что рядомъ съ смущеніемъ было и нѣкоторое чувство удовольствія. Тѣ, кто не хотѣлъ ѣхать на съѣздъ настоящаго интернаціонала, сказали себѣ: ну, если русскіе союзники зовутъ, то отчего же къ русскимъ и не поѣхать? На этомъ основаніи перемѣнилось настроеніе французскихъ соціалистовъ, большинство которыхъ до сихъ поръ упорно боролись противъ созыва интернаціонала во время войны. Французское большинство и меньшинство вмѣстѣ рѣшили, что по призыву русскихъ ѣхать можно, но все-таки съ оговоркой, что въ Стокгольмѣ съ германцами, съ имперіалистами срединныхъ имперій не будетъ встрѣчи. Мы согласны разговаривать съ соціалистами срединныхъ имперій, говорили французскіе соціалисты, подъ однимъ условіемъ: если они рѣшатъ вопросъ о винѣ, вопросъ объ отвѣтственности за эту войну и скажутъ, что въ войнѣ виноваты Германія и Австрія. На эту точку зрѣнія стали и тѣ соціалисты, которые пріѣзжали въ Россію: Вандервельдъ и Тома. Оба они опредѣленно объ этомъ заявили. Вы знаете довольно рѣзкое письмо ихъ исполнительному комитету Совѣта рабочихъ депутатовъ, когда онъ опубликовалъ 3 іюня свой призывъ всѣмъ соціалистамъ на международную конференцію. Во-первыхъ, оказалось, что Совѣтъ рабочихъ депутатовъ не только не посовѣтовался съ междуна-

роднымъ соціалистическимъ міромъ, но даже не посовѣтовался и съ тѣми его представителями, которые были здѣсь на-лицо и съ которыми онъ велъ предварительные переговоры. Для Тома, Вандервельда и Гендерсона этотъ призывъ явился совершенно неожиданнымъ и несоотвѣтствующимъ тѣмъ переговорамъ, которые они вели. Мало того, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ пригласилъ на конференцію англійскую рабочую партію, но англійская рабочая партія была еще меньше согласна на созывъ интернаціонала, чѣмъ французская. Въ печати уже имѣются совершенно опредѣленныя сообщенія, что исполнительный комитетъ британской рабочей партіи, который сперва рѣшилъ было участвовать на конференціи, потомъ измѣнилъ рѣшеніе, вернувшись къ постановленію, которое принято на годичномъ собраніи партіи пять мѣсяцевъ тому назадъ — не участвовать ни въ какой соціалистической конференціи въ Стокгольмѣ. Правда, не всѣ британцы посмотрѣли на это такимъ образомъ. Рамсей Макдональдъ, тотъ самый Рамсей Макдональдъ, о которомъ я говорилъ, какъ объ авторѣ патріотической фразы въ революціи Лондонскаго конгресса, все-таки рѣшилъ поѣхать. Но вы знаете, что случилось. Послѣ того, какъ британская рабочая партія рѣшила не ѣхать, она рѣшила, что представители меньшинства маленькой кучки не могутъ представлять ея мнѣній въ Россіи. Союзъ матросовъ отказался сопровождать тотъ корабль, на который сядутъ представители британскихъ интернаціоналистовъ. И вы знаете, что Рамсей Макдональдъ и его спутникъ Джоэттъ, извѣстный своими выступленіями въ палатѣ общинъ, должны были вернуться въ Лондонъ съ корабля. Въ Лондонѣ на Трафальгарскомъ скверѣ собрался митингъ въ десятокъ тысячъ человѣкъ, на которомъ предсѣдатель союза матросовъ сдѣлалъ такое предложеніе: у насъ въ союзѣ британской рабочей партіи 3.700,000 человѣкъ. Пусть Рамсей Макдональдъ соберетъ за себя хотя бы полмилліона, тогда мы повеземъ ихъ въ Стокгольмъ и Петроградъ. Но если онъ ихъ не наберетъ, то, значитъ, онъ представляетъ такое незначительное меньшинство, которое не можетъ быть выразителемъ мнѣнія британскаго рабочаго класса. Извѣстно, что партія Рамсея Макдональда далеко не доходитъ до цифры 500,000 человѣкъ и что этой цифры онъ никогда не могъ бы собрать. Такимъ образомъ, вы видите, что Стокгольмская конференція, которая на первыхъ порахъ казалась такой возможной, такой близкой, сперва

откладывается, переносится съ одного срока на другой, а затѣмъ начинаетъ и вовсе разстраиваться. Въ печати уже промелькнуло оффиціальное сообщеніе, что постановленіе Петроградскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ встрѣтило при осуществленіи серьезныя затрудненія какъ организаціоннаго, такъ и политическаго характера. Подводя итогъ всей этой исторіи, мы прежде всего видимъ, что дѣло идетъ не объ одной конференціи, а о цѣлыхъ трехъ видахъ ея: о конференціи, которая не собирается,—конференція дѣйствительнаго интернаціонала, о голландско-скандинавскомъ комитетѣ, который можетъ собрать только отдѣльныя группы, и, наконецъ, о русскомъ предложеніи, которое вообще выходитъ изъ рамокъ интернаціональной организаціи. Мы видимъ, далѣе, отношеніе разныхъ національныхъ соціалистическихъ группъ: отношеніе сперва нѣсколько смущенное, готовое идти навстрѣчу русскимъ соціалистамъ, затѣмъ все болѣе и болѣе рѣшительно отъ нихъ отмежевывающееся. Конечно, идея конференціи еще не брошена. Конечно, соціалистическія партіи, продолжающія мечтать, что можно соціализмъ всего міра убѣдить къ принятію кинтальской точки зрѣнія, считаютъ по-прежнему возможнымъ начать новую всемірную эру на международной конференціи. Въ дѣйствительности, если эта конференція соберется, она соберется лишь для того, чтобы констатировать глубокое отчужденіе между соціалистами двухъ воюющихъ лагерей Европы. Во всякомъ случаѣ, созывъ конференціи есть рѣшеніе не сегодняшняго дня. Это рѣшеніе затягивается на мѣсяцы. Очевидно, и то приглашеніе на оффиціальную конференцію союзныхъ правительствъ, которое сдѣлано сегодня Временнымъ Правительствомъ, также не рѣшаетъ вопроса. По мысли министровъ-соціалистовъ, дѣятельность союзной конференціи связана съ тѣмъ, что будетъ намѣчено и рѣшено соціалистической международной конференціей.

Растерянность циммервальдцевъ.

Какой же можетъ быть немедленный исходъ, если старая политика явно не удалась, если весь міръ, не только буржуазный, но и соціалистическій, въ лицѣ громаднаго своего большинства, стоитъ на своемъ и въ ближайшемъ будущемъ перемѣнить своего взгляда не желаетъ? Мы имѣемъ за эти

послѣдніе дни довольно много признаковъ полнаго отчаянія, диктующаго самыя крайнія и безумныя рѣшенія. Одинъ изъ этихъ смертельныхъ скачковъ мысли мы встрѣтили дня два тому назадъ въ статьѣ нѣкоего г. Мстиславскаго, напечатанной въ «Дѣлѣ Народа», органѣ эсъ-эровъ большевиковъ. Мстиславскій ставитъ вопросъ ребромъ, какъ въ той старой сказкѣ, гдѣ путникъ не знаетъ, куда пойти—направо или налѣво: въ одну сторону пойдетъ—коня потеряетъ, въ другую пойдетъ—самъ погибнетъ. Мстиславскій увѣряетъ, что идти надо прямо, при чемъ, впрочемъ, откровенно оговаривается, что на этомъ пути можно потерять и коня, и самого себя. Правда, ему трудно объяснить, что значитъ идти прямо. Когда онъ пытается это все-таки растолковать и себѣ, и читателю, то его объясненія сводятся вотъ къ чему. Разъ мы вѣримъ въ русскую революцію, вѣримъ въ тѣ идеи, которыя положены въ ея основу, то мы должны вѣрить и въ то, что эти идеи способны создать всемірную революцію, привести къ побѣдѣ пролетаріата надъ всѣми бужуазными правительствами и, такимъ образомъ, повести не къ пацифистскому миру, а къ настоящему пролетарскому миру. Если мы не притворяемся, а въ самомъ дѣлѣ вѣримъ въ такую идею, то, значитъ, мы просто должны объявить войну всѣмъ ея противникамъ. Разорвемъ всѣ договоры, которые насъ связываютъ, и начнемъ борьбу противъ всѣхъ сторонниковъ имперіализма, гдѣ бы они ни были. Вотъ точка зрѣнія, можетъ быть, немножко напоминающая настроеніе великой французской революціи. Эта революція тоже объявила войну всѣмъ и разнесла идеи великой французской революціи по всей Европѣ. Но, вѣдь, дѣло въ томъ, что независимо отъ качества этихъ идей,—къ нему я уже возвращаться не буду,—какъ будто бы и настроеніе тѣхъ, кто призванъ воевать, мало похоже на энтузіастическое настроеніе войскъ времени великой французской революціи. И я сказалъ бы, что г. Мстиславскій въ погонѣ за своимъ мыльнымъ пузыремъ никого не увлечетъ, если бы онъ не увлекъ органа большевиковъ эсъ-дековъ, «Новой Жизни». Все же съ однимъ такимъ союзникомъ далеко не уйдешь. И естественно, что поиски исхода изъ создавшагося положенія не прекратились. На этихъ дняхъ намѣченъ еще одинъ исходъ. «Сепаратный миръ» — это нехорошо, о сепаратномъ мирѣ не говорятъ даже на лѣвомъ крылѣ того съѣзда совѣтовъ, который сейчасъ собирается. «Сепаратное перемиріе»—тоже нехорошо. Но вотъ нельзя

ли устроить «всеобщее перемиріе»? И на нашихъ глазахъ уже началась систематическая проповѣдь, идущая изъ того же ленинскаго лагеря,—проповѣдь, «всеобщаго перемирія» вплоть до момента, когда буржуазныя правительства сговорятся съ своими демократіями о цѣляхъ войны. Конечно, авторы проекта о всеобщемъ перемиріи начинаютъ съ точки наименьшаго сопротивленія: съ Петрограда, а въ Петроградѣ—съ солдатъ-большевиковъ. Собраніе въ 3,000 человѣкъ—такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ газеты—собраніе въ 3,000 солдатъ на Марсовомъ полѣ такъ и постановляетъ: установить всеобщее перемиріе на всѣхъ фронтахъ и потребовать отъ Временнаго Правительства соотвѣтственнаго поведенія. Я боюсь, что эту формулу мы встрѣтимъ гдѣ-нибудь въ резолюціи, которая проскочитъ въ одинъ изъ этихъ дней на какомъ-нибудь съѣздѣ, потому что проповѣдники подобныхъ лозунговъ проявляютъ изумительное упорство. Быть можетъ, мы стоимъ въ эту минуту передъ новой формой коллективнаго безумія, которое въ свое время тоже разсѣется и тоже пойметъ, что оно—безуміе,—если только оно добросовѣстное безуміе. Но, вѣдь, опять пройдетъ время, опять пройдетъ полоса *новаго бездѣйствія на фронтѣ!* Я очень боюсь, въ самомъ дѣлѣ, что то, что налажено нашимъ военнымъ министромъ, будетъ опять разлаживаться отсюда, и что мы упустимъ послѣднее время, когда на вопросъ нашихъ союзниковъ, выступаемъ мы или нѣтъ, мы еще можемъ дать отвѣтъ удовлетворительный и для насъ, и для нихъ. Казалось бы, если ужъ дѣйствительно нѣтъ никакого исхода,—а добросовѣстный полемистъ, мнѣ кажется, съ этимъ не можетъ не согласиться,—то разъ уже объявленъ полный пересмотръ старой тактики совѣта, той тактики, которая привела совѣтъ къ краху во внѣшней политикѣ, *не лучше ли* было бы поступить самымъ простымъ образомъ и *откровенно признаться, что съ самаго начала была сдѣлана ошибка и выбранъ невѣрный путь*. Но это самое простое какъ разъ и есть то, что особенно трудно. И я вижу источникъ этого затрудненія.

Революція соціалистическая или всенародная?

Признаться въ ошибкѣ—значило бы отказаться отъ вѣры утопическаго соціализма въ чудотворную силу революціонной идеи, способной перевернуть весь міръ. Вѣдь намъ теперь все чаще и настойчивѣе говорятъ, что русская рево-

люція есть революція соціалистическая, что она развертывается подъ знаменемъ соціализма, что ее ведутъ, раскрываютъ и углубляютъ дальше соціалистическія партіи. Правда, это мнѣніе не единственное. Этому мнѣнію соціалистовъ-утопистовъ противопоставляется другое мнѣніе соціалистовъ-реалистовъ, вспоминающихъ свои учебники. По этому мнѣнію «научнаго соціализма» сейчасъ соціалистической революціи не можетъ быть, что можетъ быть, только буржуазная революція, которая уже подготовитъ перспективы для соціализма въ дальнѣйшемъ, но которая сама по себѣ не соціалистична. Между этими двумя точками зрѣнія идетъ неравный бой, потому что нужно признаться, что даже умѣренные элементы нашего соціализма склоняются къ утопическому рѣшенію. Нужно прибавить, что есть и третье, среднее мнѣніе, пожалуй, худшее изъ всѣхъ. Это мнѣніе говоритъ: да, по научному соціализму наша революція дѣйствительно буржуазна, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она можетъ стать соціалистической. Тогда она и броситъ тѣ искры, которыя произведутъ пожаръ на весь міръ. Такъ смотритъ испытанный старый утопистъ, который этимъ взглядомъ уже способствовалъ гибели одной русской революціи—революціи 1905 г. Это мнѣніе г. Троцкаго, который теперь возвращается къ своей теоріи «перманентной» революціи и, по свидѣтельству знающихъ людей, встрѣчаетъ на этотъ разъ больше вниманія къ своей проповѣди, чѣмъ встрѣчалъ прежде.

Я хотѣлъ бы, въ виду всѣхъ этихъ споровъ, высказать и свой взглядъ на вопросъ, какова наша революція: соціалистическая она или буржуазная, или же, наконецъ, буржуазная, которой суждено стать соціалистической. Я готовъ защищать мнѣніе, что наша революція не есть ни то, ни другое, ни третье. Она есть *революція національная, революція всенародная*, т.-е. она объединяетъ въ себѣ всѣ классы и всѣ общественныя группы и ставитъ предъ собою задачи, которыя долженъ осуществить весь народъ, которыя только *весь* народъ и можетъ осуществить. Я осмѣлюсь выставить положеніе, что революція, построенная на одномъ только соціалистическомъ фундаментѣ, была бы слишкомъ слаба, ибо этотъ фундаментъ въ Россіи слишкомъ узокъ. Въ этомъ смыслѣ *называть русскую революцію соціалистической значитъ обрекать ее на гибель.* И лучшіе, наиболѣе проницательные изъ соціалистовъ сами прекрасно это понимаютъ. Мало этого. Я позволю себѣ напомнить историческіе факты, которые все-

таки не такъ давно происходили, чтобы быть окончательно забытыми. Я напомню вамъ, куда пришли солдаты, когда утромъ 27 февраля они вышли на улицу. Если бы не было Государственной Думы, вѣроятно, они разсѣялись бы по улицамъ и площадямъ Петрограда, и я не знаю, что было бы съ нами и съ революціей. Войска, не ставшія на сторону революціи, можетъ быть, исполнили бы свое дѣло. Но русская революція пришла къ Таврическому дворцу. Въ Таврическомъ дворцѣ она нашла тотъ идейный центръ, который моментально примирилъ съ русской революціей всю Россію и лишилъ старый порядокъ всѣхъ его сторонниковъ. Говорили о томъ, что русская революція произошла быстро и совершилась безкровно. Если это было такъ, то это потому, что во главѣ русской революціи стали лица, имена которыхъ заблаговременно стали извѣстны Россіи и которымъ вся Россія,—не соціалистическая только, а вся Россія могла повѣрить. Въ этотъ моментъ русская революція была дѣйствительно національной.

Къ несчастью, продолженіе не соотвѣтствовало этому свѣтлому началу. Мы видимъ теперь желаніе русскую революцію изъ національной сдѣлать соціалистической, а изъ соціалистической она, можетъ быть, станетъ коммунарской. Конечно, если она пойдетъ по этому пути, то упрется въ тупикъ.

Опасность „контръ-революціи".

Когда говорятъ объ опасности для русской революціи, то обыкновенно валятъ все на такъ называемую контръ-революцію. Никакъ не могутъ даже заговорить о лѣвой опасности, не упомянувши для равновѣсія и объ опасности справа. Всякое упоминаніе объ опасности для революціи непремѣнно должно быть такъ стилизовано, чтобы можно было разумѣть подъ этимъ контръ-революцію. Вы знаете, что въ контръ-революціи обвиняютъ всѣхъ, не только естественныхъ контръ-революціонеровъ, которые сидѣли на крайнихъ правыхъ скамьяхъ Государственной Думы, но и ихъ сосѣдей, и сосѣдей этихъ сосѣдей, и, переходя къ оппозиціи, даже партію народной свободы, къ которой я имѣю честь принадлежать. А вслѣдъ за партіей народной свободы принимаются обвинять даже Керенскаго за то, что онъ совершаетъ дѣйствія, имѣющія контръ-

революціонный характеръ. Другими словами, обвиненія въ контръ-революціонности получаютъ ужъ слишкомъ расширительный характеръ. Дѣло, гг., не въ этомъ. Опасности съ этой стороны,—опасности отъ дѣйствительной, настоящей контръ-революціи—пока нѣтъ. Я подчеркиваю, что *пока* опасности нѣтъ. Но настроеніе *уже* есть. Я получаю массу писемъ, въ томъ числѣ изъ очень демократическихъ слоевъ, отъ крестьянъ и отъ городской бѣдноты, которые все чаще и чаще говорятъ, что прежде было лучше. Конечно, съ этимъ настроеніемъ еще можно бороться. Конечно, настроеніе это еще не вылилось въ опредѣленныя формы, еще не пріобрѣло опредѣленныхъ очертаній. Для даннаго момента контръ-революціонной опасности нѣтъ. Но она *можетъ* возникнуть, если дѣйствительно настанетъ та опасность, о которой я, главнымъ образомъ, говорилъ: опасность со стороны соціалистовъ «безъ отечества», которые зовутъ васъ изъ окоповъ внутрь страны и борьбу съ непріятелемъ замѣняютъ острой классовой борьбой. Ихъ цѣль—воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ во время войны для низверженія всѣхъ буржуазныхъ правительствъ и для перехода власти въ руки пролетаріата, который, повидимому, вопреки теоріи научнаго соціализма, готовъ сдѣлать попытки немедленно ввести соціализмъ въ самую жизнь. Лицомъ къ лицу съ этой опасностью все русское общество должно особенно памятовать, что революція наша общенародна и національна. Русское общество должно сплотиться для борьбы съ опасностью того большевизма, который, правда, одинъ договариваетъ свои мысли до конца, но который умѣетъ внушать свои мысли очень многимъ людямъ, не знающимъ ихъ происхожденія и не понимающимъ, куда эти мысли ведутъ.

Опасность германской интриги.

Я долженъ прибавить: есть еще одна опасность. Это та опасность, о которой я упоминалъ, когда говорилъ о связи между Циммервальдомъ и Робертомъ Гриммомъ, между Робертомъ Гриммомъ и германскимъ правительствомъ, между германскимъ правительствомъ и Колышко, между Колышко и сверженіемъ стараго состава Временнаго Правительства. Эта опасность та самая, на которую намъ прямо и ясно указалъ Вудро Вильсонъ. Это—германская интрига, та интрига, ко-

торая беретъ свое добро вездѣ, гдѣ его находитъ, базируется на партіяхъ, на которыя никогда не опиралась въ другое время, прибѣгаетъ къ способамъ, къ которымъ тоже, можетъ быть, прежде не обращалась. Въ результатѣ и получается та крѣпко сплетенная сѣть, тотъ густой туманъ, та желтая пыль, о которой говоритъ Вильсонъ, и которую онъ предлагаетъ поскорѣе разсѣять, потому что время слишкомъ серьезно и задачи, которыя оно поставитъ, слишкомъ велики, чтобы позволять застилать себѣ глаза туманомъ и пускать себѣ пыль въ глаза. Вотъ дѣйствительная опасность, противъ которой надо предостерегать каждый день и каждую минуту. Идеологія большевизма и германская интрига—вотъ то главное, что можетъ сгубить русскую революцію. Я не знаю, конечно, можно ли много сдѣлать убѣжденіемъ. Но то, что можно сдѣлать, должно быть нами сдѣлано. Если Временное Правительство, послѣ долгой проволочки поймётъ, что въ рукахъ правительства есть и другія средства воздѣйствія, кромѣ словеснаго убѣжденія,—тѣ средства, которыя оно теперь уже начинаетъ примѣнять и противъ иностранцевъ, и противъ шпіоновъ, и противъ дезертировъ,—если оно станетъ на эту дорогу, тогда завоеванія русской революціи будутъ укрѣплены. Вотъ на этотъ путь намъ слѣдуетъ настойчиво призывать и другъ друга, и Временное Правительство.

Приложеніе.

Резолюція, принятая частнымъ совѣщаніемъ членовъ Государственной Думы 3 іюня 1917 г.

«Въ сознаніи, что въ ближайшіе дни будетъ рѣшаться судьба Россіи на многія десятилѣтія, члены Гос. Думы, собравшіеся на частномъ совѣщаніи, считаютъ долгомъ возвысить свой голосъ для того, чтобы предостеречь отъ роковыхъ шаговъ, могущихъ навлечь неизмѣримыя бѣдствія на отечество.

Гос. Дума въ теченіе 2½ лѣтъ войны неоднократно указывала, что, несмотря на всѣ ошибки и преступленія прежняго русскаго правительства, отвѣтственность за начало настоящей войны не можетъ лежать на немъ. Россія къ войнѣ не готовилась и по этой одной причинѣ, оставляя въ сторонѣ всѣ остальныя соображенія, Россія должна была сдѣлать и дѣйствительно сдѣлала все возможное, чтобы предотвратить войну.

Германія, наоборотъ, употребила всѣ усилія, чтобы не дать восторжествовать миролюбивымъ стремленіямъ, и, опасаясь колебаній Австріи, поспѣшила объявить войну Россіи. Такимъ образомъ и случилось, что война, которую хотѣли вызвать, заставивъ Россію заступиться за Сербію противъ Австріи, началась съ нападенія Германіи на Россію. Такому образу дѣйствій Германіи вполнѣ соотвѣтствовала полная боевая готовность этой страны. Германская промышленность оказалась до мельчайшихъ подробностей приспособленной къ дѣлу войны и мобилизація этой промышленности, по тщательному, много лѣтъ назадъ обдуманному плану, началась на слѣдующій день по объявленіи военныхъ дѣйствій. Эта подготовка, которая велась во всѣхъ отрасляхъ жизни, не была тайной для всѣхъ слоевъ Германіи. Вѣроятно, поэтому, когда война была объявлена, она встрѣтила сочувствіе всего германскаго народа, несмотря на то, что соціалисты Германіи играютъ выдающуюся роль и соотвѣтственно этому въ германскомъ рейхстагѣ соціалистическія партіи представляютъ внушительную силу.

Въ виду этого, вся вина за то, что въ теченіе почти уже 3-хъ лѣтъ человѣчество переживаетъ ужасы, какихъ не знала міровая исторія, цѣликомъ падаетъ на Германію, которая хладнокровно въ теченіе многихъ лѣтъ подготовляла вооруженное нападеніе на сосѣдніе народы и осуществила это намѣреніе, когда ей показалось, что ея часъ наступилъ. Цѣли, которыя преслѣдуетъ Германія, до сихъ поръ держатся ею въ тайнѣ. Однако, эта тайна въ значительной степени разгадана. Земля и деньги,—вотъ цѣль германскаго нападенія. Въ нѣмецкой литературѣ подробно разработана теорія о стремленіи Германіи на востокъ. Подразумѣвая подъ востокомъ Европейскую Россію, Малую Азію и Месопотамію, Германія, путемъ расширенія своихъ владѣній, и въ особенности путемъ расширенія своей колонизаціи, стремится дать выходъ своему земледѣльческому населенію, своимъ нѣмецкимъ крестьянамъ, не помѣщающимся на своей землѣ. Одновременно Германія стремится создать широкое поле дѣйствій для своей промышленности въ Азіи и въ особенности въ Россіи, принудивъ послѣднюю путемъ выгодныхъ торговыхъ договоровъ быть огромной емкости рынкомъ для нѣмецкихъ товаровъ. Преслѣдуя эту цѣль, Германія создала планъ (почти уже осуществленный) союза государствъ, перерѣзающаго Европу отъ Нѣмецкаго до Средиземнаго моря, союза государствъ, который долженъ встать непроходимой стѣной между Россіей и остальной Европой. Эта германскаго изобрѣтенія застава запираетъ для Россіи не только сушу, но и моря, послѣ того, какъ Босфоръ и Дарданеллы, принадлежащіе слабой Турціи, фактически перейдутъ въ руки Германіи, а выходы изъ Балтійскаго моря также поступятъ подъ ея контроль, въ виду невозможности для скандинавскихъ государствъ оказывать сколько-нибудь дѣйствительное сопротивленіе требованіямъ побѣдоносныхъ нѣмцевъ.

Когда Германія, имѣя въ виду эти цѣли, напала на Россію, Франція, вѣрная своимъ союзнымъ обязательствамъ, выполнила свой долгъ. Вслѣдъ за этимъ, по причинѣ возмутительнаго насилія, совершеннаго надъ Бельгіей, а также вслѣдствіе того, что въ Англіи прекрасно поняли опасность безнаказаннаго существованія мощной военной силы, не сдерживаемой никакими соображеніями права и справедливости, и Великобританія выступила на помощь Россіи и Франціи. Постепенно и другія державы присоединились къ этому союзу, ибо безсовѣстное примѣненіе силы будетъ всегда вызывать протестъ,

пока въ сердцахъ человѣческихъ бьется чувство благородства, добра и чести.

Оцѣнивая совокупность всего, что привело къ настоящей минутѣ, члены Гос. Думы полагаютъ, что заключеніе сепаратнаго мира съ Германіей, или фактическаго съ ней перемирія, отказъ Россіи отъ борьбы, какъ разъ въ то время, когда другія державы дѣлаютъ самоотверженныя усилія для того, чтобы эту борьбу закончить, явится низкимъ предательствомъ по отношенію къ союзникамъ, предательствомъ, котораго, конечно, потомство не проститъ нашему поколѣнію, его совершившему. Заключивъ сепаратный миръ, Германія вполнѣ достигнетъ цѣли, къ которой она стремилась матеріальными средствами. Этотъ миръ нравственно отрѣжетъ Россію отъ остальной Европы, ибо русское имя будетъ презрѣнно на десятилѣтія во всѣхъ странахъ, гдѣ уважаютъ вѣрность и клеймятъ измѣну. Заключивъ такой миръ, Россія, отгороженная отъ всего свѣта, непроходимымъ хребтомъ изъ объединенныхъ съ Германіей срединныхъ государствъ, должна будетъ подчиниться всѣмъ требованіямъ этого единаго союза и будетъ служить для него источникомъ благосостоянія и наживы. Великое русское государство превратится въ германскую колонію, которая будетъ эксплоатироваться въ соотвѣтствіи съ разработанными нѣмецкими учеными теоріями, что славянство, какъ низшая раса, должна служить только почвой, гдѣ будетъ воздѣлываться нѣмецкая культура.

Въ этотъ грозный часъ, члены Гос. Думы считаютъ своимъ долгомъ напомнить странѣ, что Россія стала передъ грознымъ вопросомъ, быть ей или не быть. Гос. Дума считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ Россіи и всѣмъ гражданамъ, въ особенности, ко всѣмъ воинамъ русской державы, напоминая имъ, что судьба отечества въ ихъ собственныхъ рукахъ, что отступать отъ общенароднаго, общечеловѣческаго дѣла, связавшаго насъ съ союзниками, значитъ становиться рабами германскаго народа.

Гос. Дума признаетъ, что *только въ немедленномъ наступленіи, въ тѣсномъ общеніи съ союзниками кроется залогъ скораго достиженія окончанія войны и закрѣпленія навсегда завоеванныхъ народомъ свободъ*».

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:
Книгоиздательство «НАРОДНОЕ ПРАВО».
Москва. Моховая, 14, тел. 1-28-59.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Книгоиздательство «НАРОДНОЕ ПРАВО»

Москва, Моховая, 14, тел. 1-28-59.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.